

НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

ЕРОФЕЕВА К.Л., канд. филос. наук

Отстаивается тезис о необходимости новой планетарной идеологии, называются и обосновываются ее основные принципы – универсальности и антропокосмизма. Как условие их реализации рассматривается процесс гармонизации морального сознания.

В современном информационном обществе существует противоречие между объективными потребностями человечества и господствующими установками и ценностями массового сознания. Попытаемся определить необходимые моменты и принципы идеологии, которая позволила бы начать процесс разрешения наиболее острых и существенных из этих противоречий. При этом термин «идеология» в данном контексте следует понимать предельно широко, в общефилософском смысле. Зачастую концепт «идеология» воспринимают исключительно в политическом контексте. Между тем даже в справочных изданиях советского периода можно встретить определение, не сводящее идеологию к каким-либо политическим, классовым или религиозным интересам. В свете нашего подхода представляется, в частности, вполне удачным следующее определение: «Идеология – система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [1]. Более узкий, политический смысл термина «идеология», скорее, применим к таким частным наукам об обществе, как политология, социальная психология, но подобные подходы выпадают из контекста нашей темы. Широкое понимание термина в настоящее время можно встретить и у западных авторов. Так, Д. Белл в своем предисловии к новому изданию книги «Конец идеологии», вышедшей еще в 1960 г., дает такое определение: «Идеология – исторически обусловленная система убеждений, которая сплавляет идеи с эмоциями, стремится превратить их в рычаги социального воздействия и, трансформируя идеи, преобразует также и людей». Именно такое, предельно широкое понимание термина «идеология» будет использоваться в дальнейшем.

На первый взгляд поиски планетарной идеологии, выражающей интересы человечества как целого, выглядят утопичными. Как известно, уже в течение ряда лет отечественные философы и политики пытаются предложить обществу некий вариант современной «русской идеи». Но до сего момента их усилия не увенчались сколько-либо ощутимыми успехами. Если уж не удается создать национальную идеологию, можно ли надеяться на разработку некой универсальной, общечеловеческой идеологической доктрины?

Рассуждая о кризисе европейской культуры, наступившем в результате первой мировой войны, и о путях его преодоления, один из величайших гуманистов XX в. А. Швейцер писал: «Возрождение культуры не имеет ничего общего с движениями, которые носят на себе печать массового переживания. Такие движения всегда являются лишь реакциями на внешние события. Культура же может возродиться только тогда, когда все большее число индивидов – независимо от господствующего в данное время склада мышления общества и в противовес ему – выработает у себя новую систему взглядов, которая постепенно начнет оказывать влияние на склад мышления общества и в конечном счете определять его. Только этическое движение может вывести нас из состояния бескультурья. Этическое же начало способно зародиться лишь в индивиде» [2, с. 69]. В приведенном высказывании для нашей темы важны два момента. Во-первых, обращает на себя внимание мысль о том, что в области нравственного прогресса первичной является не общность, а отдельная человеческая субъективность. Оставаясь на позициях диалектики следует признать, что ни личность сама по себе, ни общество посредством своих институтов не могут обеспечить морального прогресса по отдельности. Общество может обеспечивать лишь нормальную социализацию личности и тот минимум нравственности, который даст индивиду возможность осуществлять моральное самосовершенствование. Сама же мораль основывается на духовной автономии отдельного человека. Поэтому последнее слово в вопросе о том, быть ли моральному прогрессу в жизни человека или социума, остается всегда за индивидом. Второй момент вытекает из первого и состоит в следующем. Эта цитата содержит возможный алгоритм распространения новой идеологии, в нашем случае – идеологии универсальной, общечеловеческой. Распространение ее может происходить не посредством социальных институтов, а посредством наращивания числа людей, у которых принципы этой новой идеологии интериоризированы на уровне сознания и морального поведения.

Информационное общество предоставляет для этого возможности, которых не существовало во времена Швейцера. Массовое сознание начала XX в. определяли такие СМИ, как радио и периодическая печать. А это способствовало проявлению худших сторон психологии масс. Поэтому, в частности, предостережения и призывы Швейцера и других духовно чутких представителей культуры начала XX в. не помогли преодолеть нарастания трагических последствий кризиса европейской цивилизации. Современная эпоха, в которой даже не телевидение, а Интернет все больше определяет умонастроения масс, более благоприятна для вырастания новой идеологии «снизу». Для этого достаточно группы целеустремленных энтузиастов, которые бы систематически проводили актуальные, отвечающие запросам многих идеи с помощью Интернет и неких общественных акций (необязательно широкомасштабных). Если сама система предлагаемых ценностей оптимально совпадет с объективными социальными потребностями, она вполне может качественно изменить состояние общественного сознания.

Остановимся подробнее на содержании новой общечеловеческой идеологии. Для того чтобы коллективность не вырождалась в корпоративность, идеология должна выражать идею всеобщности. Сколь обширна ни была бы социальная группа (например, этнос, нация), формируя свою, отдельную, обособляющую ее от остального мира идеологию, она лишь добавляет в этот мир вражды и розни. Таковы на сегодня американский нацио-

нализм, исламский фундаментализм, сионизм, таковы в целом, к сожалению, и традиционные христианские конфессии. Оставаясь конфессиональной или государственной, идеология всегда будет обслуживать частные интересы. На то, что любое государство не может насаждать по-настоящему нравственную идеологию, указывал еще в 20-е годы XX в. тот же Швейцер. В работе «Упадок и возрождение культуры» он писал: «Гибель культуры происходит вследствие того, что создание этики препоручается государству» [2, с. 229].

Идеология эпохи глобализации может служить средством воспитания самоощущения личности как части всего человечества, всего универсума. Об объективной потребности в таком духовном настрое говорят многие современные мыслители. В частности, В.В. Налимов, размышляя о том, что же именно придает смысл существованию человека в современном обществе, отмечает, что это по преимуществу личностные моменты, иногда – ценности семейные или государственные. «Но забота о продлении жизни на Земле требует иного мироощущения. Человек теперь должен обрести смыслы, которые позволяли бы ему стать гражданином Земли, стать ее патриотом» [3].

Таким образом, первый принцип новой общечеловеческой идеологии – это принцип универсализма, приоритета общечеловеческого интереса над любым частным, локальным интересом. К.Э. Циолковский, ссылаясь на В. Одоевского, предлагал такое моральное кредо: «При всяком происшествии будем спрашивать самих себя, на что оно может быть полезно, но в следующем порядке: первое – человечеству, второе – родине, третье – кругу друзей и семейству, четвертое – самим себе. Начинать эту прогрессию наизворот есть источник всех зол, которые окружают человека с колыбели» [4]. Подобный этический подход как нельзя более актуален в современной ситуации. Если во времена написания приведенных строк их справедливость не была еще очевидна, то в эпоху глобальных проблем их истинность подтверждается наглядно.

Второй принцип идеологии современного информационного общества вытекает из задачи гармонизации нравственного сознания. Как известно, В.С. Соловьев в «Оправдании добра» – главном своем этическом произведении – называл три основания человеческой нравственности: стыд, жалость и благоговение. Присоединяясь к такой позиции, будем исходить из того, что лишь гармоничное сочетание всех трех начал духовной жизни позволяет говорить о морально развитой личности. Это же утверждение верно и в масштабах общества: лишь присутствие всех трех названных начал в общественном сознании, в общественной духовной жизни позволяет говорить о том, что мораль выполняется в данном социальном целом свою основную регулятивную функцию.

Многие современные исследователи называют среди прочих негативных тенденций в современных нравах ослабление чувства жалости, сострадания. Первая, простейшая причина связана со спецификой существования человека в условиях информационного общества – это экономия душевных сил в условиях психологических перегрузок, превращающаяся в привычку. Вторая причина – повышение жизненного уровня в информационном обществе. Непосредственно наблюдаемых поводов для сострадания становится все меньше. В то же время, не испытав на собственном опыте голода, боли, страха и т.п., человек с трудом может идентифицировать себя с другим и проникнуться его чувствами. Разумеется, такое возможно, но инертность и стихийный эгоизм препятствуют в большинстве случаев необходимой идентификации себя со страдающим. В более простых с точки зрения морально значимой ситуации случаях (когда требуется не действительная помощь, а лишь участие, сочувствие, психологическая поддержка) индивиды также часто не проявляют отзывчивости. Однако, не встречая душевного отклика столь же эгоцентричных, как и она сама, субъективностей, личность страдает от дефицита сочувствия и сама не может его дать. Наконец, в понижении уровня сострадания велика негативная роль массового искусства. Она состоит в том, что понижается психологический порог чувствительности при созерцании прямого насилия (убийств, избиений, пыток). Привыкая к подобным сценам на экране, индивид воспринимает их как естественные и в жизни. Особенно легко подобная перверсия происходит в сознании детей и подростков.

Как видим, все названные причины не являются «фатальными», непреодолимыми, но основываются на неверных идеологических ориентациях общества, неправильной воспитательной политике.

Что касается второй обозначенной Соловьевым составляющей нравственности – чувства стыда, то оно, несомненно, присутствует у людей нашего времени, но нередко причины его не адекватны моральным ценностям. Стыд есть неизбежный спутник раздвоенности человеческого бытия на мир сущего и мир должного. Именно поэтому мы можем испытывать стыд не только за свои, но и за чужие не соответствующие нашему представлению о должном поступки. Стыд – это стимул и залог совершенствования для субъекта. Но сегодня, в обществе потребительского гедонистического индивидуализма, человек часто черпает чувство собственной значимости не в моральном поведении (как понимал эту проблему Кант и многие мыслители последующих эпох), а в «успешности» своего существования. «Стыдно быть бедным», «Стыдно быть неудачником» – вот характерные установки массового сознания. Таким образом стыд перестает быть синонимом угрызений совести, выходит за рамки этической сферы. Причиной его все чаще становится некий субъективно воспринимаемый изъян, недостаток, затрудняющий самоутверждение.

Наиболее заметна в современном массовом сознании (особенно это касается постхристианской цивилизации) утрата последнего из названных Соловьевым слагаемых нравственности – чувства благоговения. Сам Соловьев как наиболее близкое, по сути синонимичное понятию «благоговение» называет понятие «благоочестие». Последнее и сейчас, и во времена Соловьева выражало исключительно состояние религиозного сознания и поведения. Более того, из чувства благоговения к тем, кто выше и совершеннее субъекта этого чувства, мыслитель выводит религиозное чувство как таковое [5]. Эти рассуждения русского мыслителя могут дать ключ к объяснению оскудения благоговейных чувств в современном обществе.

Отношение детей к своим родителям сегодня, в эпоху абсолютного преобладания «нуклеарной» семьи – семьи, состоящей из трех или даже двух человек, не могло не претерпеть качественных изменений. Если во времена Соловьева преобладал тип многодетной патриархальной семьи (и сам философ вырос именно в такой), то вполне естественным и едва ли не единственно возможным было отношение детей к родителям, основанное на послушании. Насколько же применимы эти рассуждения к состоянию нынешней типичной семьи? Очевидно, в

условиях, когда единственный ребенок рассматривается как центр и смысл существования последней, картина взаимоотношений детей и родителей радикально меняется. Если любое желание ребенка воспринимается родителями как закон, если ребенок постоянно слышит, что ему положено получить лучшее лакомство, лучшее место и т.п., у него, скорее всего, формируется представление о родителе как о слугах, средстве удовлетворения его потребностей и прихотей. В дальнейшем такое же отношение переносится на посторонних старших – педагогов, представителей всевозможных социальных институтов, а затем и на всех людей. Воспитанный в такой ценностной парадигме человек, если он воспримет религию в той или иной ее форме, скорее всего, перенесет свое потребительское отношение и на Бога. В его сознании будут преобладать мотивы требований, претензий к Творцу, а не представление о собственном долге перед ним.

Изменение состава и сути семьи – не единственная причина утраты благоговейных чувств. Этому способствует сам характер общества потребления, его система ценностей, его идеология. Именно наложение друг на друга этих двух факторов – «атомизации» семьи и распространения идеологии потребления – и придает современной цивилизации ее специфический характер: безразличие к духовному началу, отрицание каких-либо авторитетов, кроме авторитета богатства и успеха.

Может показаться, что никакого благоговения сегодня уже и не нужно. Достаточно простого уважения к каждому другому как к самому себе. Однако объективно люди не равны по своим интеллектуальным, моральным качествам, уровню развития способностей, умений и по многим другим признакам. Требование уважения к каждому человеку, признания его самостоятельной ценности содержится в категорическом императиве Канта. В нем же выражена сущность морального отношения в самом общем его виде. В данном случае речь идет о равенстве людей как существ, принадлежащих к одному и тому же сообществу – человеческому роду. Справедливость в таком понимании («уравнительная справедливость», если воспользоваться терминологией Аристотеля) требует соблюдения по отношению к любому представителю этого сообщества самых простых нравственных требований: не причинять страданий, не унижать, не лишать жизни. Но, как известно, Аристотель выделял также еще «распределительную справедливость», которая предполагает воздаяние по заслугам, неравное, но равномерное, пропорциональное распределение благ. Такая справедливость требует, чтобы к наиболее достойным представителям человечества относились не просто уважительно, а именно как к лучшим, высшим. Сознание собственного несовершенства (если не доводить его до ненужной крайности – самоуничтожения) есть необходимое условие роста души, ее дальнейшего совершенствования. В цивилизации потребления культивируется и идеологически (прежде всего, посредством рекламы) поощряется самодовольство. Духовная стагнация и духовный регресс становятся в подобных условиях закономерным, необходимым явлением.

Итак, можно сделать вывод, что вернуть способность к благоговению как всему обществу, так и отдельному человеку необходимо, ибо только при этом условии возможно стремление к совершенствованию и адекватное понимание субъектом (индивидуальным или коллективным) собственного места в мире. Эту задачу осознают уже многие отечественные философы. Так, Ю.А. Ротенфельд развивает мысль о том, что вместо потребления социально зрелый индивид сегодня должен ориентироваться на социальное служение, умение отдавать. Без «сервистических общественных отношений», утверждает он, народ не может обрести адекватное эпохе «взрослое» сознание [6]. С подобными рассуждениями трудно спорить. Однако сразу возникает вопрос, кому или чему в условиях морального, правового и политического нигилизма, или, по меньшей мере, индифферентности, имеющих всем известные исторические и социальные причины, может преданно служить человек информационной цивилизации? Своим близким, друзьям, членам семьи? Но, во-первых, в условиях индивидуалистической и гедонистической направленности массового сознания такого тоже трудно ожидать, а во-вторых, – и это самое главное – отдельный человек или малая группа не могут выступать в качестве абсолютной, верховной ценности. Ибо они конечны и равноценны с субъектом отношения. Поэтому для развития в моральном сознании человека способности к самопожертвованию, служению необходима более общая цель – трансцендентная по отношению как к индивидуальному, так и к родовому человеку ценность.

Напрашивается вывод, что предметом благоговения, служения как раз и может быть все то, что отвечает интересам человечества в целом (об этом, как мы помним, говорит первый принцип новой идеологии). Среди человеческих качеств к таковым можно отнести творческую активность и высокую нравственность. Напротив, все, что в поведении людей противоречит общечеловеческим интересам, должно оцениваться в новой идеологической парадигме как постыдное, безнравственное, низкое. «Стыдно быть богатым и не использовать свое богатство для общественного блага», «стыдно причинять вред природе», «стыдно не заботиться о благе будущих поколений» – эти установки общественного сознания позволили бы радикально изменить к лучшему экологическую, социально-политическую и духовную ситуацию.

Для того чтобы идеология выполняла функцию формирования идеала, она, как показывает исторический опыт, должна быть устремлена от земли к небу. Это верно и в метафорическом, и в буквальном смысле. Чаще всего в истории случалось так, что это была религиозная идеология, в которой мысль о бессмертии души заставляет не просто ответственно прожить свое земное время, но и размышлять о должном, идеальном существовании. Этой же особенностью в полной мере соответствует идеал космизма. Антропокосмическая парадигма поднимает внерелигиозный идеал на максимально возможную высоту и тем самым в определенном отношении соединяет его с религиозным. Неслучайно русский космизм возник в революционную эпоху – из общих чаяний, надежд, мечтаний. В нем переплетаются религиозная вера (причудливо преломленная в концепции Новой Пасхи Н.Ф. Федорова, весьма далекой от канонического прочтения христианства) и радикально секулярный сциентизм, нарождавшийся на рубеже XIX–XX вв.

Человек всегда выступает как задача для себя самого – задача формирования своих более высоких телесных, духовных, интеллектуальных, практических возможностей. Но, в силу своей сущности, при этом он с необходимостью должен задаваться вопросом «зачем?», вопросом о смысле этих усилий.

Зачем, для чего нужно индивидуальное и родовое самосовершенствование человека, – вот что должна показывать всякая идеология.

На вопрос о смысле любых наших усилий удовлетворительным будет лишь ответ, предельно расширяющий, отодвигающий горизонт человеческих устремлений. «Мои усилия – для того, чтобы приобщиться к благой сверхчеловеческой, сверхъестественной сущности», – отвечает на этот основной мировоззренческий вопрос религиозное сознание. «Мои усилия – для гармонизации Вселенной, придания ей таких человеческих характеристик, как красота, разумность, моральность». Такова логика рассуждений космиста вне зависимости от того, смыкается ли его сознание с религиозностью (Н.Ф. Федоров, П. Тейяр де Шарден, К.Э. Циолковский) или остается атеистическим (Э.В. Ильенков, писатели-фантасты Иван Ефремов, Аркадий и Борис Стругацкие). В этом отношении космизм более удовлетворяет требованию универсальности, чем любая религия. Именно поэтому, по нашему убеждению, он может стать центральным принципом идеологии ближайшего будущего. Сегодня к этому уже есть заметные предпосылки. К ним можно отнести существующий на уровне обыденного сознания интерес к проблеме «пришельцев», космического разума, а также бытующие среди ученых-специалистов проекты «обживания» космоса, всевозможные научные и паранаучные доктрины связи психофизического мира индивида и всего человечества с космическими процессами.

Итак, антропокосмизм, понимаемый без вульгаризации и упрощений, может стать наиболее адекватным основополагающим принципом идеологии будущего. Из этого фундаментального мировоззренческого подхода вытекают более частные, столь необходимые в эпоху глобальных проблем принципы: пацифизма, экологического и гендерного равновесия, толерантности к иным социальным укладам, национальностям, религиям. Однако без специальных усилий, деятельности общественных институтов, материальных затрат и тому подобного такая идеология не может стать действенной в масштабах всего социума. Поэтому, не дожидаясь появления харизматической личности или пророка, наука об обществе может и должна влиять на общественное мнение, подготавливая почву для распространения и укоренения перечисленных принципов новой идеологии. Способы такого влияния многообразны. Прежде всего, это просветительская, пропагандистская деятельность ученых. Весьма продуктивными, по-видимому, были бы комплексные социальные прогнозы духовного состояния общества (по образцу тех, что разрабатывались под эгидой Римского клуба в 70-х–80-х гг.) на ближайшую, а также длительную перспективу.

Принципиальная новизна универсальной идеологии заключается в том, что она может выражать интересы человечества в целом, так как в условиях глобальных проблем такие всеобщие интересы объективно существуют и в перспективе будут доминировать над частными интересами. Кроме того, новые возможности информационного общества позволяют уже сегодня распространять содержание новой идеологии среди наиболее активной в интеллектуальном отношении части общества – пользователей Интернет.

Список литературы

1. **Философский** энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 199.
2. **Швейцер А.** Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 69.
3. **Налимов В.В.** В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – С. 50.
4. **Циолковский К.Э.** Неизвестные разумные силы. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 3.
5. **Соловьев В.С.** Оправдание добра. Соч. в 2-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1988. – С. 177–178.
6. **Ротенфельд Ю.А.** Проблема сверхчеловека // Вестник Российского философского общества. – 2003. – № 1. – С. 137.